

Эволюция организованной преступности в Украинской ССР в 1960 – начале 1980-х гг. (по материалам архивных и опубликованных источников)

The evolution of organized crime in the Ukrainian SSR in 1960 – early 1980s (based on archival and published sources)

Ладыга А.И.

Канд. ист. наук, доцент, майор полиции, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Воронеж

Ladyga A.I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Police Major, Head of the Department of State and Civil Law Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh

Левченков А.И.

Д-р юрид. наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Воронеж

Levchenkov A.I.

Doctor of Law, Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh

Красильникова Л.И.

Канд. ист. наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Воронеж

Krasilnikova L.I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh

Аннотация

Российскими учеными подтвержден факт зарождения, распространения и трансформации (что, как правило, сопровождается значительными структурными изменениями в системе организованных криминальных формирований) организованной преступности в УССР в 1960 – начале 1980-х гг. В то же время, в этот период сложилась особая ситуация, когда на доктринальном, программном, законодательном, научном, правоисполнительном, правоприменительном уровнях уголовно-правовой политики организованная преступность, характеризующаяся достаточно высокой степенью общественной опасности, не относилась к деструктивным социально-правовым явлениям, которые объективно должны подлежать криминализации в нормах законодательства об уголовной ответственности. Соответственно,

возникли проблемы в научной, законотворческой и правоприменительной практике, которые лишены перспективы быть решенными вне научного историко-правового анализа. Актуальность исследования усиливается в связи с потребностью в методологическом обеспечении интеграции результатов историко-правового анализа с достижениями социологических, экономических, политических, управлеченческих, криминологических и уголовно-правовых исследований организованной преступности на основе универсального принципа единства исторического и логического в научном познании. Целью работы является осуществление историко-правового анализа, с использованием впервые введенных в научный оборот архивных материалов, организованной преступности в Советской Украине в условиях нарастания, обострения кризиса и распада командно-административной системы управления и плановой экономики с выделением негативного опыта, который выступает оговоркой о невозможности его внедрения в теорию и практику противодействия организованной преступности в современной России.

Ключевые слова: преступность, организованная преступность, источники организованной преступности, криминогенные факторы преступности, криминальные практики, правоохранительная система.

Abstract

Russian scientists have confirmed the fact of the origin, spread and transformation (which, as a rule, is accompanied by significant structural changes in the system of organized criminal formations) of organized crime in the Ukrainian SSR in the 1960s – early 1980s. At the same time, during this period there was a special situation when, at the doctrinal, programmatic, legislative, scientific, executive, and law enforcement levels of criminal law policy, organized crime, characterized by a sufficiently high degree of public danger, was not one of the destructive socio-legal phenomena that objectively should be criminalized in the norms of legislation on criminal liability. Accordingly, problems have arisen in scientific, legislative and law enforcement practice, which have no prospect of being solved outside of scientific historical and legal analysis. The relevance of the research is enhanced by the need for methodological support for integrating the results of historical and legal analysis with the achievements of sociological, economic, political, managerial, criminological and criminal law studies of organized crime based on the universal principle of the unity of historical and logical in scientific knowledge. The purpose of the work is to carry out a historical and legal analysis, using archival materials introduced into scientific circulation for the first time, of organized crime in Soviet Ukraine in the context of the growing, worsening crisis and the collapse of the command and administrative management system and the planned economy, highlighting negative experiences, which serves as a reservation about the impossibility of its introduction into the theory and practice of countering organized crime in Ukraine. modern Russia.

Keywords: crime, organized crime, sources of organized crime, criminogenic factors of crime, criminal practices, law enforcement system.

Введение

Организованная преступная деятельность в различных формах существовала в обществе всегда, не стал исключением и СССР [12, с.91; 14, с.150-151]. Однако, впервые научный вывод о существовании на его просторах организованной преступности был сделан лишь в начале 1980-х гг.

Первая официальная информация «прошла» на этот счет по коллегии МВД СССР в ноябре 1985 г. Открытые публикации на эту тему появились в 1987-1988 гг., а в 1990 г. статистический сборник «Преступность и правонарушения в СССР» впервые представил динамику преступности, начиная с 1960-х гг. В частности, отмечалось, что в 1965 г. было зарегистрировано наименьшее количество преступлений – 751 801, а среднегодовой их прирост составил 1,3% в 1960-х гг. и 3,5% в 1970-х гг. Конечно, в отчетности речь не шла об организованной преступности, ее относили к профессиональной и общеуголовной, существовавшим еще во времена царизма [7].

Уже в 2000-х гг. ученые утверждали, что обнародованная статистика занижена. И причин такой ситуации две. Первая – непосредственно касалась тогдашней формы отчетности, где графа об организованной преступности отсутствовала. Вторая – связана с корпоративным интересом украинской номенклатуры.

Актуальность исследуемой проблемы

Историко-правовое исследование организованной преступности в Советской Украине периода нарастания, обострения кризиса и упадка командно-административной системы управления и плановой экономики (1960-1991 гг.) является актуальным как для теории, так и для юридической практики.

Материал и методы исследования

Обоснованность и достоверность научных результатов обеспечены анализом архивных документов, впервые введенных в научный оборот, и использованием комплекса взаимосвязанных и взаимодополняющих философских, общенаучных, конкретно-научных методов познания в рамках деятельностной парадигмы.

Специально-правовые методы применялись в их оптимальном соотношении. При помощи формально-правового метода осуществлен анализ соотношения отдельных видов и форм организованной преступной деятельности к нормативной системе регулирования и определены особенности юридического механизма уголовно-правового противодействия организованной преступности в условиях кризиса и распада командно-административной системы управления в УССР. Историко-правовой метод позволил выявить источники и динамику организованной преступности в УССР. Сравнительно-правовой метод применялся в анализе недостатков в уголовно-правовом обеспечении противодействия организованной преступности. Использовались и другие методы, обеспечившие обоснованность выводов публикации.

Использованная методика сопоставления архивных и опубликованных данных из различных источников, с использованием эвристического потенциала сравнительно-исторического метода, позволяет получить близкие к реальности данные о криминогенной обстановке в исследуемый период и выяснить ее причины и последствия, что поможет осветить динамику роста организованных форм преступности.

Коллективом авторов осуществлен углубленный, с использованием впервые введенных в научный оборот архивных материалов, историко-правовой анализ эволюции организованной преступности в УССР в условиях нарастания, обострения кризиса и распада командно-административной системы управления и плановой экономики с выделением позитивного опыта и негативного опыта, который выступает предостережением о невозможности его внедрения в теорию и практику противодействия организованной преступности в современной Российской Федерации.

Результаты исследования и их обсуждение

В исследовании, проведенном В.А. Буржинским и Ф.А. Кириленко, представлен анализ уровня преступности на 10 тыс. населения в УССР в течение 1960-1995 гг., который свидетельствует, что в 1960-е гг. в среднем он составлял 28,5 % (наименьший в 1965 г. – 24,5 %, наибольший в 1961 г. – 35,5 %), в 70-х гг. – 29,7 % (26,6 % – в 1973 г. и 35,8 % – в 1979 г.), в 80-е гг. – 47 % (наименьший уровень отмечается в 1980 г. – 39%, а самый высокий в 1989 г. – 62 %) [3, с.188].

Архивные материалы свидетельствуют, что в 1968 г. общий рост преступности отмечался во всех областях республики, кроме Львовской, Черниговской, Хмельницкой и Ивано-Франковской. Наибольший рост учтенных преступлений – в Херсонской (23%), Сумской (20,7%), Крымской (18%), Черкасской (16,6%), Волынской (14,5%), Днепропетровской (11%) областях. Количество наиболее тяжких преступлений, по сравнению с предыдущим годом, увеличилось в 25 областях с 34 147 до 38 303 (на 12%)

[17, Лист 18; 18, Лист 4]. Больше всего преступлений регистрировалось в крупных городах, особенно в Киеве. Здесь темпы роста преступности существенно превышали все показатели по республике целом. Если в 1970 г. в УССР на 100 000 населения регистрировалось 175 преступлений, то в Киеве – 224 [19, Лист 9]. Удельный вес рецидивной преступности в Киеве был выше, чем в целом в республике.

В 1971 г. число рецидивирующих преступлений выросло по сравнению с 1970 г. (20 %) до 28 % [19, Лист 44]. Подавляющую часть этих преступлений совершали судимые в течение первых месяцев после освобождения из мест лишения свободы [19, Лист 47].

Анализ общей динамики роста отдельных видов преступлений свидетельствует, что в этой статистике преобладали кражи государственного и общественного имущества и личного имущества граждан, а также нанесение тяжких телесных повреждений.

Так, в 1967 г. было учтено 24 252 кражи, а в 1968 г. – 27 487 (на 3 235 краж больше) - 13%. Количество ограблений личного имущества граждан увеличилось с 2 171 до 2 790, - на 28%, количество нанесенных тяжких телесных повреждений увеличилось с 1 547 до 1 868, - на 20%. В 1968 г. из общего количества совершенных преступлений по сравнению с прежним годом, их увеличилось на 7 477, 4 175 из них (55%) – составили названные выше три категории преступлений. Наиболее распространенным было хулиганство. В республике в 1968 г. было учтено 25 442 хулиганских действий против 27 401 в 1967 г. (7%). В отдельных регионах показатели совершенных хулиганских преступлений характеризуют динамику в сторону уменьшения: в Одесской области на 22%, Черновицкой – на 17%, Львовской – на 16%, Винницкой – на 15%, в г. Киев – на 15%. В то же время, в пяти областях отмечался рост хулиганства: Волынской – на 23%, Крымской и Черкасской – на 16%, Ивано-Франковской – на 6%, Закарпатской – на 2%. Количество умышленных убийств выросло с 1 562 до 1 620 (3%) [18, Листы 10-12].

Таким образом, наблюдается рост количества зарегистрированных уголовных правонарушений в стабильно криминогенных областях. Проанализировав приведенную динамику преступности в отдельных областях УССР в сопоставлении с занятостью населения этих регионов, можно констатировать: она прямо связана с существованием в западных областях УССР скрытой безработицы. Значительное распространение оно получило в регионах с преимущественно сельскохозяйственным производством и производством группы «Б». В областях, где экономически активное население было задействовано в военно-промышленном комплексе, безработицы не было.

В то же время в УССР, согласно господствующей идеологеме, а, следовательно, и статистике, безработицы не было. Она считалась присущей только капиталистическому строю. Ситуация со скрытой и официальной безработицей не изменилась и в течение 1980-х гг. Наряду со скрытой безработицей оставался низким уровень заработной платы. На семь рабочих мест фактически трудоустраивались восемь человек.

Таким образом, заработка семи человек распределялся на восьмерых. Производительность труда оставалась низкой. Главной причиной была энерго- и ресурсозатратная экономика (использование энергоемкой техники, незначительные инвестиции в совершенствование техники, медленная компьютеризация и т.д.) [16, с.275]. Для немеханизированных производств был характерен низкий уровень организации труда, дисциплины, этики отношений при высоком уровне потребления алкоголя и текучести рабочей силы.

Бурными темпами шел процесс маргинализации общества. Господствующая гуманная «всеразрешающая» экономическая модель развития страны создавала питательную почву для негативной криминологической динамики в пределах призонализированной субкультуры.

В стенограмме заседания коллегии прокуратуры УССР от 17 июня 1971 г. отмечался значительный рост преступности в республике, несмотря на меры со стороны правоохранительных органов. Хищение государственного, коллективного имущества по фактам бесхозяйственности, разбазаривание и сокрытие остатков из сырья и ресурсов, кражи у частных лиц, самогоноварение, хулиганство составили почти 60% всех преступлений

в республике [26, Лист 6]. В то же время только в течение сентября–октября 1980 г., по ст. 214 УК УССР (ведение в течение длительного времени паразитического образа жизни), было заключено 1300 чел. [21, Лист 44].

Согласно данным, приведенным министром внутренних дел УССР И.Х. Головченко, в 1980 г. на учете МВД находилось 187 053 больных хроническим алкоголизмом, из которых – 15 920 было направлено на принудительное лечение. Этот показатель оказался на 10% выше, чем в 1979 г. В 1980 г. в органы МВД было доставлено 840 406 чел., которые находились в общественных местах в состоянии сильного алкогольного опьянения, из них 693 197 человек уже находились в медицинских вытрезвителях. Этот показатель ежегодно рос, а всего было привлечено к административной ответственности за это правонарушение более 1 133 000 чел.

По информации министра внутренних дел УССР И.Х. Головченко, в течение 1971–1980 гг. количество убийств и покушений на убийство, совершенных в республике на почве семейно-бытовых отношений, выросло на 22%, а тяжких и средней тяжести телесных повреждений – на 35%. Их удельный вес среди общего количества преступлений указанных категорий составил в 1980 г., соответственно, 60% и 53%. Наибольший рост количества убийств в течение указанного периода зафиксирован в Запорожской (на 238%), Днепропетровской (на 164%), Волынской (на 109%), а тяжких и средней тяжести телесных повреждений – в Херсонской (на 172%), Днепропетровской (на 133%), Николаевской (на 111%) областях. Пьянство, которое было свойственно 95% лиц, имевших конфликты в бытовых отношениях, имело место в девяти из десяти случаев совершения преступлений. Нежелание работать обусловило возникновение каждого пятого конфликта, азартные игры, самогоноварение сопровождало 50% конфликтов [23, Листы 3-4]. При этом почти половина из преступников имели судимость, в том числе 40% – за преступления в сфере семейно-бытовых отношений [23, Лист 8]. Приведенные показатели роста преступности свидетельствуют об интенсивном процессе маргинализации общества, а по данным криминологических исследований, люмпенизованные массы и маргинальные группы населения являются питательной средой для организованной преступности [26, Листы 6-14].

Люмпенизация и маргинализация способствовали криминогенной ситуации, которая была на пользу украинской номенклатуры, как коллективного субъекта организованной преступной деятельности. В обществе воцарилась двойная мораль.

Для маргинализованной среды, ориентированной на гедонизм, согласно характеристике Е.Н. Старикова, характерны два измерения: 1) ориентация на максимальный уровень паразитического потребления; 2) ориентация на уравнительно-минимальный уровень потребления. Если первое измерение потребления характерно для деклассированных «верхов», то второе, аскетично-сравнительное – для деклассированных «низов» [15, с.153].

Обобщенным показателем деморализации в управлеченческой сфере являлся рост таких видов преступлений, как казнокрадство, взяточничество, разбазаривание общественного имущества. Быстрыми темпами распространялась коррупция на все новые и новые уровни номенклатуры.

Следует отметить, что во фрагментарных сведениях о преступлениях, совершенных с участием представителей власти, термин «коррупция» отсутствовал, зато широко употребляемыми были термины «взяточничество», « злоупотребление служебным положением», «попустительство». Украинское правосознание всегда примитивно реагировало на проявления коррупционных явлений. Для примера представим сведения из закрытого письма ЦК КПСС «Об усилении борьбы со взяточничеством и хищением народного добра» от 29 марта 1962 г. В нем отмечается, в частности, что взяточничество – это социальное явление, порожденное условиями эксплуататорского общества. А причины его существования связаны с недостатками в работе партийных, профсоюзных и государственных органов, прежде всего, в деле воспитания трудящихся. В частности, в записке отдела административных органов ЦК КПСС и КПК (Комитет партийного контроля) при ЦК КПСС «Об усилении борьбы со взяточничеством в 1975-1980 гг.», от 21 мая 1981 г., указано, что в 1980 г. выявлено более 6 тыс. случаев взяточничества, что

на 50% больше, чем в 1975 г. Взяточничество получило распространение в Украине преимущественно в торговых организациях, на предприятиях бытового обслуживания, в учебных заведениях, в жилых конторах и учреждениях. Ежегодно за взятки в Украине устраивали на «престижную» работу, на учебу в ВУЗы, за отпуск товаров повышенного спроса, за предоставление квартир вне очереди и привлекались к ответственности от 350 до 450 чел. [26, Листы 6-14].

Вышесказанное свидетельствует об отсутствии (или слабости) государственного и общественного контроля за украинскими чиновниками, что являлось важным фактором коррупции. Произвол номенклатуры, централизованное распределение материальных благ предопределили распространение экономической преступности.

Собственно, в течение 1970-х гг. в общественном сознании, именно в Украине, впервые утвердился тезис о неспособности «прожить на одну зарплату». Массовый характер приобрели кражи государственной собственности. Однако изменились формы и методы хищения. Архивные материалы освещают тенденцию в совершении этого вида преступлений, характерную для 1970-х гг. Если в 1960-е гг. похищались преимущественно материальные ценности, большей частью в сфере производства (выпуск неучтенной продукции, реализация остатков, созданных за счет завышенных норм списания естественных потерь, недостатков в ценообразовании и т.п.), то в 1970-е – объектом хищения становятся преимущественно деньги (благодаря попустительству руководства предприятий, бухгалтеры и учетчики подделывали бухгалтерские и финансовые документы), получили распространение контрабанда и валютные махинации. Такие хищения в 1970 г. составили 70-75% от общего количества случаев краж [26, Лист 12].

Так, например, в октябре 1980 г. прокуратурой Одесской области была разоблачена преступная группа из членов правления колхоза имени Горького, которая, с использованием служебного положения в течение 1977-1980 гг., осуществляла хищение денег и материальных ценностей, нанеся государству ущерб на сумму более 100 000 руб. в составе этой группы из 13 чел. были председатель колхоза В. Бочаров и главный бухгалтер Е. Минькович [22, Лист 166].

По информации прокурора Одесской области, озвученной на заседании коллегии Прокуратуры УССР (17.06.1971 г.), активизировались контрабандисты, которые имели связи с расхитителями социалистической собственности. Так, группа контрабандистов, орудовавшая на теплоходе «Башкирия», вывезла за границу более 100 тыс. руб. советских денег, скupлено и переправлено контрабандным путем около 12 кг золота в монетах царской и иностранной чеканки. У другой группы валютчиков – жителей Одессы, изъято 2,5 кг золота и 100 тыс. руб. наличными. Всего за 1967-1970 гг. у похитителей, валютчиков и контрабандистов органами следствия изъято и возвращено в государственную казну около 1 000 000 наличности и ценностей, в том числе более 16 кг золота [26, Листы 57-58].

Несмотря на многократные предупреждения ЦК КПУ и Совета Министров УССР о строгом соблюдении установленных розничных цен и правил торговли, продолжалась практика нарушения правил ценообразования, обвеса и обсчета покупателей, недовложения фасованных продуктов, на предприятиях бытового обслуживания реализовывались изделия по повышенным ценам.

Например, в течение 1970 г. на Симферопольской фабрике индюшина обуви, за счет реализации изделий по завышенным ценам, изготовленных по индивидуальным заказам, было реализовано 85% продукции. Аналогичные случаи зафиксированы в Киеве, Харькове, Львовской области [20, Лист 62].

Стремление к максимально быстрому обогащению за короткое время мотивировало граждан к совершению ограблений. Так, в 1970 г. зафиксировано ограбление 8-ми сберегательных касс на общую сумму 4 789 руб. и имели место 29 попыток ограбления. Органами милиции раскрыто за это время только 3 ограбления из 18 и 20 попыток ограбления из 54. Наибольшее количество ограблений приходилось на Днепропетровскую, Житомирскую, Запорожскую, Львовскую и Одесскую области [20, Лист 85].

Материалы архивных дел прямо сообщают, что нередко хищения государственного имущества и ценностей происходили не без участия служащих, чувствовавших свою безнаказанность благодаря покровительству и попустительству чиновников из «высоких кабинетов» центральных ведомств Украины, органов государственной власти всех уровней.

Так, по сообщению прокурора Житомирской областной прокуратуры, искоренить факты хищения народного добра, или хотя бы снизить показатели хищений в крупных и особо крупных размерах не удается, несмотря на все необходимые меры, принимаемые прокуратурой области. Весомой причиной такой ситуации является то, что хищения осуществляются благодаря попустительству со стороны отдельных аппаратных работников областных ведомств.

Так, следствием прокуратуры были раскрыты три группы расхитителей социалистической собственности в особо крупных размерах – в хоровом обществе, райкоме и профсоюзе льнокомбината (среди них коммунисты, активисты групп народного контроля и др.). В докладной записке прокурора области отмечалось: «Преступная деятельность этих шаек продолжалась в течение 3-4 лет. Несмотря на ведомственные ревизии и даже сигналы об имеющихся злоупотреблениях, они орудовали безнаказанно в условиях круговой поруки» [26, Лист 147].

Неуклонно разрастался сектор «теневой экономики». Уже в середине 1970-х гг. все сферы жизнедеятельности в УССР находились в зоне ее влияния. На рубеже 1970-х – 1980-х гг., по оценке В.Н. Даниленко, капиталы этого сектора в пределах страны достигли отметки 70-80 млрд руб. [6, с.121].

Теневые отношения служили основой организованной преступности и коррупции. С тех пор выделяют три основные формы взаимопроникновения криминала и экономики: фиктивная экономика, подпольная экономика и «черный рынок товаров и услуг». С развитием фиктивных экономических отношений, как неотъемлемого атрибута теневой экономики, вокруг каждого представителя хозяйственной номенклатуры в Украине формировалась скрытая каста «доверенных лиц»: бухгалтеры, кассиры, администраторы секторов производства, хранения и сбыта, юрисконсульты, кладовщики, завхозы и т.п. Фиктивная экономика постепенно превратилась в механизм, определявший «...взаимодействие региональных и отраслевых организованных преступных групп в их борьбе за перераспределение средств, капиталовложений, цен и кредитов» [4].

Нами отмечалось, что в условиях развертывания «тененизации» экономики, широкими правами наделялись руководители государственных предприятий, которые не несли ответственности (уголовной, хозяйственной, дисциплинарной и т.п.) за результаты своей деятельности. С ослаблением и разрушением централизованной хозяйственной вертикали управления, общая номенклатурная собственность все больше превращалась частно-бюрократическую собственность. Следовательно, «теневой» сектор в экономике создавался благодаря отсутствию контроля и либерализации наказаний со стороны государства, о чем свидетельствуют дела из архивных фондов [24, Лист 61,88; 25, Листы 1-4 обр.ст.].

Следует заметить, что после принятия постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о переводе хозяйствующих субъектов на полный хозрасчет [27], рядом постановлений Совета Министров СССР о хозрасчете и самофинансировании, лишь в августе 1987 г. были переведены предприятия министерств нефтяной, газовой промышленности, капитального строительства, черной, цветной металлургии, связи, гражданской авиации, Министерства путей сообщений, рыбного хозяйства, электротехнической промышленности, производства минеральных удобрений СССР и т.д. [2].

В условиях маргинализации общества в Украине, криминальная (общеуголовная) преступность приобретала организованные формы. А.И. Гуров и В.В. Лунеев, отмечают, что, собственно, на рубеже 1960-х – 1970-х гг. в условиях «хрущевской оттепели», либерализации уголовных наказаний, попытках экономических реформ, появился стимул у «старой»

профессиональной преступности расширить пространство своей деятельности. Этот устойчивый и довольно распространенный контингент воров, мошенников, грабителей, валютчиков всегда жили за счет преступной деятельности. В новых социальных условиях появились благоприятные условия для трансформации профессиональной преступности в качественно новое состояние. Появляется сетевая структура организации, при которой стало неотвратимым распределение сфер и территорий между группами, произошло слияние преступников общеуголовного профиля с расхитителями, тех и других – с представителями государственного аппарата.

Именно в «хрущевский» период формируются структуры теневой экономики, сросшиеся с коррумпированными чиновниками и криминальными группами, которые и составили основу современной организованной преступности». А.И. Гуров отмечает, что с конца 1970-х гг. на территории УССР возник мафиязный тип преступности, т.е. сочетание усилий экономических и общеуголовных организованных преступных группировок для скрытой экспансии в различные сферы общественной жизни, в том числе и внешнеэкономическую деятельность [5, с.20]. В литературе отмечается маргинальность как фоновый характер общеуголовной преступности и структурирование ее организованных форм. К категории маргиналов традиционно относят:

- безнадзорных несовершеннолетних;
- несовершеннолетних, находящихся в неформальных объединениях антисоциальной направленности (скинхеды, агрессивно настроенные фанаты и др.);
- лиц, занимающихся попрошайничеством;
- лиц без определенного места жительства;
- лиц, не имеющих постоянного места работы, в частности тех, кто официально признан безработным и уклоняется от трудоустройства;
- осужденных, находящихся в пенитенциарных учреждениях и нарушающих режим исполнения и отбывания наказания и склонных к совершению преступлений;
- лиц, которые были осуждены, отбыли наказание, освободились из мест лишения свободы, но не исправились;
- лиц, занимающихся проституцией;
- хронических алкоголиков, наркоманов и токсикоманов;
- лиц с болезненным и патологическим влечением к азартным играм;
- лиц с адаптационным синдромом (лиц с ограниченными физическими возможностями, психически больных, олигофренов и умственно отсталых), а также других лиц, которым присущее делинквентное поведение и которые склонны к совершению преступлений.

Маргиналами нередко становятся лица, выросшие в неблагополучной семье, не сумевшие получить надлежащее образование, не имеющие профессии, постоянного места жительства, работы или полезных связей [1, с.332].

В учебной литературе отмечается, что лица, относящиеся к категории маргиналов своим антиобщественным образом жизни, создают угрозу всему обществу и обычно трансформируются в «инфраструктуру организованной преступности» [9, с.467]. В 1961-1980 гг. динамичный процесс маргинализации привел к росту групповой преступности, которая неуклонно росла. Самыми распространенными были преступления корыстно-насильственного характера.

Выводы

С середины 1960-х и до середины 1980-х гг. по доминирующей корыстной мотивации структура преступлений приобрела следующий вид: корыстные преступления – 50%, насилистственные и из хулиганских побуждений – 20%; корыстно-насилистственные умышленные преступления, связанные с нарушением профессионального долга – 15%, иные – 15% [8, с.94]. В.В. Лунеев отмечает, что единичные сведения о численности преступных групп, имевших признаки организованности, в СССР стали анализироваться лишь с 1986 г.

Всего за 1986-1988 гг. было выявлено 2 607 таких групп, совершивших около 20 тыс. преступлений, в том числе 218 убийств и 285 разбойных нападений. Около 50 групп были законспирированы, занимались преступной деятельностью в течение трех лет и более [11].

Согласно исследованию В.С. Медведева, в 1988-1991 гг. для организованной преступной деятельности в Украине было характерным:

- а.) создание первичных преступных ячеек, постепенный переход на двухуровневую структуру (первичные группы общеуголовного типа и вторичные группировки хозяйственно-предпринимательского типа), распространенность в областных центрах и крупных городах;
- б.) первичная преступная специализация и распределение сфер влияния при преимущественном вымогательстве и противоправной частнопредпринимательской деятельности;
- в.) паритетное сосуществование с традиционной преступностью, попытки подчинять отдельные ее сегменты, в частности, мелкую преступную деятельность (карманников, картежных шулеров, спекулянтов и т.п.);
- г.) теневое, недемонстративное поведение лидеров организованной преступной деятельности, доминирование в их среде традиционных «воров в законе» и т.н. «законников», отдельные попытки легализации средств, полученных незаконным путем;
- д.) втягивание в свою сферу предкриминальных и криминальных группировок молодежи и несовершеннолетних, а также осуществление преступной деятельности в пределах страны, отсутствие устойчивых транснациональных связей [13, с.111].

На общем фоне разрастания преступности в Советской Украине расширился спектр ее организованных форм. Гипотетически, это значительно укрепило номенклатурно организованную преступность. Безусловно, учитывая отсутствие официальной статистики и исследований о направлениях экономических связей организованной преступности с общеуголовной, это гипотетическое предположение трудно доказать.

По данным материалов бывших «секретных папок» ЦК КП(б)У, работники правоохранительных органов еще в конце 1950-х годов негативно отзывались о проведении амнистий, поскольку это реально сводило на нет предыдущие усилия, направленные против преступного мира. Следует отметить еще одну важную особенность – приобрело крайне важное значение создание агентурных сетей в среде преступников с целью организации их задержания, что временно приостановило тенденцию маргинализации граждан УССР.

Вышеизложенное дает основания для выводов: в конце 1950-х – 1980-е гг. привлечение к уголовной ответственности представителей партийного аппарата, в первую очередь на Западной Украине, уже существенно ограничивалось характерной для этого региона УССР клановой системой и семейно-земляческими связями, когда такое привлечение становилось возможным фактически лишь в случае широкой огласки совершенных преступных действий.

А в иных случаях ответственных работников увольняли с работы, переводили на повышение, на другое место работы в УССР с целью недопущения нежелательной огласки, дабы «не подрывать» авторитет партии. Именно в этот период и происходит «исход» украинских националистов в ряды Коммунистической партии Украины (в составе КПСС), достигнув высшего пика в конце 1970-х – начале 1980-х гг. (в этот период туда вступает, например, одиозная Ирина Фарион и ей подобные). Это позволило так безболезненно впоследствии легализоваться «новой» националистической правящей эlite в 1990-е годы, быстро и эффективно строящей прозападную русофобскую моннациональную Украину.

Литература

1. Антонян Ю.М. Криминология: учеб. для бакалавров. – М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 523 с.
2. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советский Социалистических Республик // Интернет архив (1987–1989 гг.). [Электронная версия] <http://www.libussr.ru/infdoc8.html>.

3. Буржинский В.А., Кириленко Ф.А. Преступность в Украине: современное состояние, тенденции, детерминация // Южноукраинский часопис. 2016. № 2. С. 187–190.
4. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. – 624 с. [Электронная версия] https://royallib.ru/read/voslenskiy_mihail/nomenklatura_gospodstvuyushchiy_klass Sovetskogo_soyusa.html#0.
5. Гуров А.И. Организованная преступность в России. – М.: БЕК, 2001. – 154 с. [Электронная версия] <http://lawdiss.ru/books/a1305.doc.html>.
6. Даниленко В. Особенности парламентаризма в Украине (вторая половина ХХ в.) // История Украины: малоизвестные имена, события, факты: сб. ст. 2010. Вып. 36. С. 88–125.
7. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М.: Росс. криминал. ассоц., 2003. – 572 с.
8. Зозуля Є.В. Криміногенна ситуація в Україні періоду становлення та розвитку незалежної держави // Наука. Релігія. Суспільство. 2010. № 1. С. 93–98.
9. Криминология: учеб. / Ю.Ф. Кваша, А.С. Зайнабидов, А.П. Зрелов, М.В. Краснов и др.; под общ. ред. Ю.Ф. Кваша. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2022. – 704 с.
10. Криминология: учеб.; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М.: БЕК 1998. – 556 с.
11. Лунеев В.В. Криминогенная обстановка в России и формирование новой политической элиты // Социология преступности. – 1994. [Электронная версия] http://ecsocman.hse.ru/data/503/601/1231/010_luneev_Sotsiologiya_prestupnosti.pdf.
12. Максимов С. Организованная преступность в России: состояние и прогноз развития // Уголовное право. 1998. № 1. С 91–97.
13. Медведев В.С. Организованная преступная деятельность как угроза национальной безопасности // Научный вестник ЛГУВД. 2012. Вып. 2 (1). С. 109–117.
14. Основы борьбы с организованной преступностью: монография; под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. – М.: Инфра-М, 1996. – 400 с.
15. Стариakov Е.Н. Маргиналы и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4. С. 142–155.
16. Хомич О.Й., Кравчук С.З. Безробіття в Україні після другої світової війни. С. 274–276. [Электронная версия] http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21.
17. Центральный государственный архив общественных организаций и объединений Украины (далее – ЦГАООО (У). – Фонд 1. – Опись 25. – Дело 209. (Время обращения: апрель – сентябрь 2013 г.).
18. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. Д. 213.
19. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 544.
20. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 550.
21. ЦГАООО (У). – Ф. 1 – Оп. 25 – Д. 2104.
22. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 2166.
23. ЦГАООО (У). – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 2267.
24. ЦГАООО (У). – Ф. 270. – Оп. 1. – Д. 220.
25. ЦГАООО (У). – Ф. 270. – Оп. 1. – Д. 224.
26. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ (У). – Фонд 288. – Опись 11. – Дело 7002. Листов – 160. (Время обращения: февраль – май 2013 г.)
27. Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР. Постановление от 11 июня 1987 г. № 665 «О переводе объединений и организаций отраслей народного хозяйства на полный хозяйственный расчет и самофинансирование». [Электронная версия] http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14046.html.